

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК
LANGUAGE AND REASONING

ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

ДИФФЕРЕНЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННАЯ
ПАРАДИГМА

ISBN 978-5-9551-0302-0

9 785955 103020 >

ДИФФЕРЕНЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННАЯ
ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 159.9
ББК 28.0
Д 50

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 10-06-07157

Д 50 Дифференционно-интеграционная теория развития / Сост.
Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев. — М.: Языки славянских
культур, 2011. — 496 с., ил. — (Разумное поведение и язык.
Language and Reasoning).

ISBN 978-9551-0483-6

В книге представлены работы, посвященные различным аспектам общей дифференционно-интеграционной теории развития, сформировавшейся в трудах Я. А. Коменского, Г. Гегеля, Ч. Дарвина, Г. Спенсера, Вл. С. Соловьева, И. М. Сеченова, Х. Вернера и других мыслителей. Среди обсуждаемых тем как общетеоретические проблемы психического и социального развития, так и вопросы применения теории в конкретных областях: преподавании, детском развитии, в усвоении родного языка и др.

Книга будет интересна широкому кругу педагогов, психологов, этологов, зоологов, физиологов, эволюционистов, психолингвистов.

ББК 28.0

ДИФФЕРЕНЦИОННО-ИНТЕГРАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ

Издатель А. Кошелев
Зав. редакцией М. Тимофеева

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 18.05.2011. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 31,0. Тираж 400. Заказ
Издательство «Языки славянских культур». № госрегистрации 1037789030641.

Тел.: 95-952-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0483-6

© Авторы, 2011

© Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев, 2011

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2011

КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА И ЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ

В статье рассмотрены типы значений конкретной лексики: основное и производные (метафорическое, метонимическое и синекдохическое). Показано, что совокупность лексических значений слова задает элементарную концептуально-смысловую таксономическую сеть, в центре которой располагается класс (категория) референтов основного значения, а вокруг этой категории — семантически связанные с ней классы референтов производных значений. Дан сопоставительный анализ этой сети и теории лексических сетей (Дж. Лакофф и др.). В заключительном разделе приведены свидетельства в пользу гипотезы о том, что лексическая многозначность, будучи языковой универсалией, является продуктом когнитивного развития человека, а именно, его дискретного и системного представления мира.

1. Концепция В. В. Виноградова. Для изучения лексической многозначности обратимся к анализу значений конкретной лексики¹. Согласно концепции В. В. Виноградова [Виноградов 1977], во множестве значений знаменательного слова выделяется «основное» значение — оно, как правило, одно (его Виноградов также называет свободным, прямым значением). А все остальные значения слова — «производные» от основного (несвободные, фразеологически связанные, переносные):

В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности... и отражающие их общественное понимание. Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений. <...> по отношению к основному номинативному значению все другие значения... в слове являются производными <...> В системе языка номинативно-производное значение слова... не может быть оторвано от основного свободного (с. 171).

¹ «Конкретная лексика — это названия (имена и глаголы) чувственно воспринимаемых явлений действительности, которым может быть дано определение остенсивное (указывание жестом), простейшее операциональное (физическое воспроизводство), заместительное операциональное (мимика, символический изобразительный жест, рисунок)» [Языковая номинация, 1977: 360].

В чем же «качественное» различие между основным (свободным) и производными (фразеологически связанными) значениями? По мысли Виноградова, в том, что основные значения слов выражают «общечеловеческое, понятийное, логическое содержание». Иначе говоря, они суть «общечеловеческие» понятия. В производных значениях эти общие понятия хотя и остаются, но «размываются», поскольку «обрастают со всех сторон... смысловыми оттенками», отражающими этно- и лингвоспецифические осмысления этих понятий, возникшие в ходе исторического развития данного этноса и эволюции его языка, ср.:

Вот тут-то и обнаруживается глубокое качественное различие между основным номинативным и фразеологически связанным значением слова {...} Фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении (с. 176).

Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова в целом... не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национально-творчества данного народа (с. 189).

Концепция Виноградова родилась не на пустом месте. По-видимому, впервые в истории отечественной лингвистики подобная точка зрения была высказана А. С. Шишковым [Шишков 1803/2010] ровно за 150 лет до публикации цитированной статьи Виноградова. С середины 1930-х годов сходная систематика значений слова разрабатывалась Р. Якобсоном [Jakobson 1936: 244, 252—253] и Е. Куриловичем [Kuryłowicz 1935: 497], ср.: «По нашему мнению, самое важное — главное — значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста. Обогащая этот контекст, мы получаем дальнейшие частные оттенки частных значений» [Курилович 1955: 78]. Из более поздних исследований следует прежде всего обратить внимание на лексикографическую концепцию Д. Н. Шмелева [Шмелев 1977: 83 и сл., 111 и сл.; ЛЭС 1990: 382], как наиболее близкую к концепции В. В. Виноградова.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что согласно Виноградову, а также Куриловичу и Шмелеву производные значения дополняют (расширяют) основное понятие-значение слова, делая его тем самым менее четким, диффузным.

2. Дихотомия «основные vs производные значения». Изложенная концепция сыграла важную роль как в теоретическом отношении, так и в сфере лексикографической практики². Но в настоящее время эта концепция представлена главным образом в учебной литературе, современные семантические теории ей не следуют (см. аналитический обзор в [Кошелев 2008]). Мы, тем не менее, считаем дихотомию «основное vs производные значения слова» основополагающей в лексической семантике. Наряду с лингвистической ценностью она обладает еще и когнитивной значимостью, поскольку позволяет установить естественную связь между концептуальными понятиями и языковыми значениями. Однако для повышения объяснительной силы данной дихотомии необходимо понять сущность производного значения³.

Коснемся сначала общепринятой точки зрения. Принято различать три вида производных (переносных) значений: метафорическое, метонимическое и синекдохическое. Их традиционные описания не связаны друг с другом и не могут служить основой для формулировки общего определения производного значения, ср.:

М е т а ф о р а. Наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление на основании их с х о д с т в а (по форме, внешнему виду, положению и т. д.) (...). М е т о н и м и я. Наименование того или иного предмета или явления перенесено

² В частности, выяснилось, что в толковых словарях основное значение слова практически всегда стоит под первым номером и толкуется первым. Для иллюстрации приведем дополнительно толкования глаголов *идти*, *бежать*, а также *to walk* и *to run* из словарей Ушакова, Даля и Хорнби (Hornby).

Ушаков: «ИДТИ. 1. Двигаться, перемещаться, ступая, делая шаги (о человеке и животном). — *Идти по дороге*. ... БЕЖАТЬ 1. Быстро передвигаться, сильными толчками ног отделяясь от земли. *Лошадь бежала рысью*».

Даль: «ИДТИ — шагать, подвигаться шагом, двигаться с места переступая. БЕЖАТЬ 1. Подвигаться ускоренным шагом, учащенной перестановкою ног».

Hornby: WALK 1. (of persons) move by putting forward each foot in turn, not having both feet off the ground at once, ⇒ run; (of animals) move at the slowest pace ⇒ trot, gallop. RUN 1. (of men and animals) move with quick steps, faster than walking.

³ Ср. положение А. А. Реформатского: «Первый вопрос полисемии: что такое прямое и что такое переносное значение?» [Реформатский 1996: 45].

на другой предмет или явление по смежности. Синекдоха. Наименование целого заменено наименованием отдельной его части, или наоборот [Шмелев 1977: 94—101], см. также [Реформатский 1996: 45—48].

Мы будем искать единое определение этих значений как понятий, характеризующих классы референтов слова в производном значении (далее мы будем называть их референтами производного значения, или коротко производными референтами, в отличие от референтов основного значения, или основных референтов). Начнем с основного значения.

Основное значение знаменательного слова — это **целостное** понятие (базовый концепт), которое определяет категорию **В**. Составляющие ее объекты и являются **референтами слова в основном значении**. Например, основное значение слова *человек* (концепт ЧЕЛОВЕК) определяет категорию основных референтов «Люди»; основное значение слова *медведь* (концепт МЕДВЕДЬ) определяет категорию основных референтов «Медведи», рис. 1. Основные значения отделены друг от друга, и потому их референты строго разграничены, т. е. не имеют общих элементов.

Употребление слова в основном значении **не зависит от контекста**.

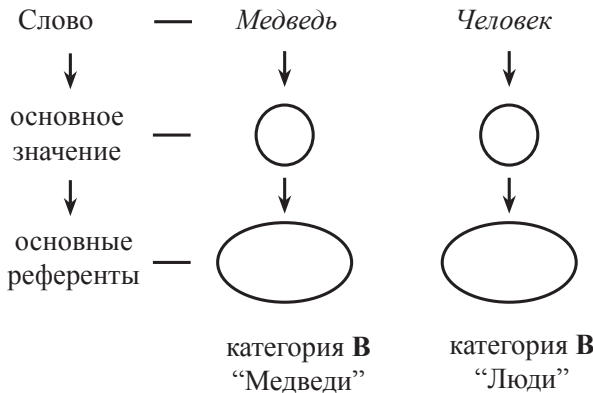

Рис. 1. Основные значения и референты слов *медведь* и *человек*

Производное значение знаменательного слова — это **двусоставное** понятие, задающее свои (производные) референты в **другой категории С**, отличной от категории **В** основных референтов. Один

компонент производного значения — это концепт, определяющий категорию **С**, а второй компонент — это характеристика, связывающая некоторые объекты из категории **С** с основными референтами слова, т. е. с категорией **В**. Эти объекты из категории **С** и являются **референтами** слова в **производном значении**. Например, слово *медведь* во фразе *Собакевич был настоящий медведь* имеет производное значение \approx ‘человек & медвежья неуклюжесть’, рис. 2.

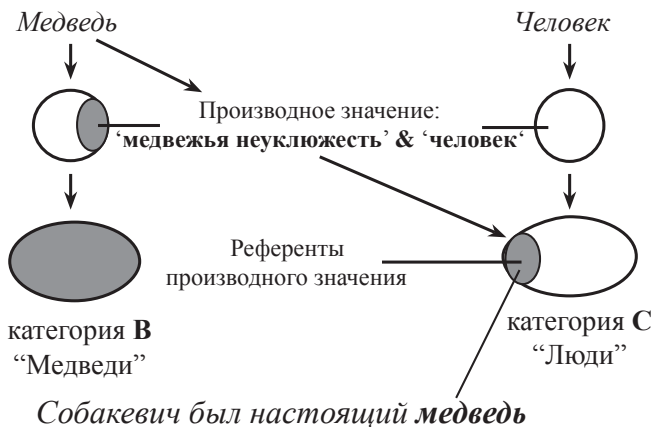

Рис. 2. Производное значение и референты слова *медведь*

Это двусоставное понятие, в котором первый компонент задает категорию **С** — «Люди», а второй — характеристику, которая выделяет в этой категории **С** **подкласс неуклюжих людей**, т. е. всех людей, связанных свойством неуклюжести с медведями (основными референтами слова *медведь*). Это и есть референты производного значения. Один из них — Собакевич — референт слова *медведь* в приведенной фразе.

Слово в производном значении называет свой (производный) референт лишь **при поддержке контекста**, который также должен задавать категорию **С**. В приведенном примере такая поддержка есть: имя Собакевич сообщает, что речь идет о человеке.

Рассмотрим последовательно метафорические, метонимические и синекдохические значения. Один компонент у них общий — это концепт «другой» категории **С**. Другой компонент — характеристика основных референтов, которой должны удовлетворять производные референты, — специфичен для каждого типа.

Метафора. Вернемся к фразе *Собакевич был настоящий медведь*. Приведем его описание:

(1) Производное (метафорическое) значение слова

медведь = ‘человек, который обладает неуклюжестью, сходной с неуклюжестью медведя’.

Если мы элиминируем контекстную поддержку (ср. фразу *Это был настоящий медведь*), то слово медведь примет основное значение, не связанное с контекстом.

Итак, множество метафорических референтов значения (1) — это **подкласс людей** (в категории «Люди»), схожих с медведями по свойству неуклюжести. Тем самым, референты производного значения сближаются с референтами основного значения и становятся своеобразным смысловым мостиком, связывающим столь различные категории, как «Медведи» и «Люди», см. рис. 2.

Два другие типа производных значений — метонимическое и синекдохическое — задают аналогичные подклассы своих референтов в других категориях. Но сближаются эти (производные) референты с референтами основного значения не по сходству, а по другим отношениям.

Метонимия. В метонимическом значении, которое также двусоставно, один компонент прежний и также задает категорию объектов *С*. Второй компонент, как мы уже знаем, должен выражать некоторую характеристику основных референтов слова, связывающую их с производными референтами. В данном случае это **отношение интегральной целостности**: выделяются такие объекты категории *С*, каждый из которых, будучи смежным с референтом основного значения, образует с ним **интегральное целое**.

В примере А. А. Реформатского *Я три тарелки съел* слово *тарелка* употреблено в метонимическом значении и называет порцию еды (категория «Еда», поддержанная контекстом *съел*), но не любую, а такую, которая наполняла тарелку. Тем самым между этой порцией еды и тарелкой устанавливается отношение интегральной целостности. В результате получаем:

(2) Производное (метонимическое) значение слова

тарелка = еда, которая заполняет тарелку и составляет с ней интегральное целое.

Контрпример: вполне корректно сказать *Я съел тарелку колбасы*, если речь идет о заполнявших тарелку нарезанных кусочках колбасы. Но эта фраза утратит корректность, если был съеден целый кусок колбасы того же веса, лежавший на тарелке.

Итак, множество метонимических референтов данного значения — это **подкласс** порций еды (в категории «Еда»), способных заполнять тарелку. Этот подкласс становится своеобразным смысловым мостиком, связывающим базовую категорию «Тарелки» (класс референтов основного значения слова *тарелка*) с контекстной категорией «Еда».

Для метонимии связь между референтами основного и производного (метонимического) значений фиксируется **отношением двухчастной интегральной целостности**: референт основного значения и смежный с ним референт производного значения образуют **интегральную целостность**, т. е. становятся интегральными частями нового целого.

Примеры. *Ручка чайника*. Здесь рука удерживает дужку чайника, образуя вместе с ней новое целое — «рука вместе с дужкой», двухчастную систему, обеспечивающую человеку возможность манипулировать чайником. Поэтому словом *ручка* называется дужка — смежный референт метонимического значения — вторая интегральная часть этой системы. Сказанное верно для любой ручки: двери, зонтика, сумки и др. независимо от ее формы, материала и т. д.

Чайник кипит (новое целое — чайник с водой; словом *чайник* называется присоединенная и интегральная часть чайника — вода). Ср. также примеры из [Реформатский 1996: 47]: *стол* — «мебель» и *стол* — «пища» («диетический *стол*»), *блюдо* — «посуда» и *блюдо* — «кушанье» («обед из трех *блюд*»), *бумага* — «материал, на котором пишут» и *бумага* — «документ».

Определяя метонимический перенос, А. А. Реформатский пишет, что это «такой перенос названия, который совершается ... на основании смежности, т. е. соприкосания вещей в пространстве или во времени» [Там же]. Важно, однако, чтобы вещи были не только смежными, но и образовывали **новое интегральное единство**, т. е. были бы двумя интегральными частями новой системы. Например, если кастрюля с водой стоит на огне и вода в ней кипит, то возникает метонимия: *кастрюля кипит*. Если же вода в кастрюле кипит благодаря кипятильнику, то сказать **кастрюля кипит* уже нельзя, поскольку кастрюля хоть и смежна с водой, но не соучаствует в ее кипячении. Наиболее наглядную иллюстрацию принципа «интегрированной двухсоставной системы» дает пример Реформатского: «французское *jalousie* — *жалюзи* — „оконные шторы из деревянных пластинок“ от *jalousie* — „ревность“ (того, кто подсматривал в окошко через створчатую штору)» (с. 47). Штора образует с подглядывающим системное

единство, поскольку, скрывая подглядывающего, не препятствует, а напротив, содействует ему.

Синекдоха. В синекдохическом значении первый компонент по-прежнему задает категорию объектов *C*, а второй компонент задает отношение «часть—целое» между основным референтом и объектом категории *C*: последний **включает референт основного значения в качестве своей идентифицирующей части**.

В примере Н. Д. Арутюновой *Шляпа оторвалась от чтения газеты* слово *шляпа* употреблено в синекдохическом значении и называет человека в шляпе (объект другой категории, поддержанной контекстом), причем такого, для которого шляпа выступает в идентифицирующей функции⁴. Между ней и человеком устанавливается отношение: «шляпа является идентифицирующей частью человека (целого)». Таким образом, получаем:

(3) Производное (синекдохическое) значение слова

шляпа = человек в шляпе, которая является идентифицирующей его частью.

Контрпример: шляпа, висящая на вешалке, не является идентифицирующей частью вешалки и не способна выступать в идентифицирующей ее функции. Поэтому фраза **Шляпа стояла неподвижно*, употребленная применительно к вешалке, некорректна.

Итак, референтом производного значения становится не любой объект контекстной категории «Люди», а только человек в шляпе. Причем, шляпа выступает в **идентифицирующей** функции. Такое множество референтов синекдохического значения, являясь подклассом категории «Люди», также становится своеобразным смысловым мостиком, связывающим ее с категорией «Шляпы».

Аналогично, в обращении *Эй, борода!* слово *борода* называет не бороду как таковую (референт основного значения), а мужчину с бородой. Причем, и здесь борода выступает, как часть, идентифицирующая целое (мужчину). Понятно, что в компании бородатых мужчин такое обращение бессмысленно.

Итак, в синекдохе связь между референтами основного и производного значений фиксируется **отношением** «референт основного значения (часть), идентифицирует референт синекдохического значения (целое)».

⁴ См. [Арутюнова 1979: 150 и сл.].

Как мы могли убедиться, производное значение слова всегда **поддержано контекстом**, поэтому его естественно называть **смыслом** слова. Таким образом, все значения знаменательного слова разделяются на основное (концепт) и производные (смыслы).

Обобщая рассмотренные примеры, получаем следующее определение.

(4) **Производное значение (смысл)** знаменательного слова — это **двухкомпонентное** понятие, задающее класс (производных) референтов, которые а) являются **подклассом** контекстно поддержанной **категории С**, отличной от категории **В** основных референтов слова и б) вступают с ними в определенное **отношение**.

Для метафоры это отношение сходства, для метонимии — интегральной целостности, а для синекдохи это отношение «часть, идентифицирующая целое». Отметим: все эти отношения, связывающие референты основного значения слова с референтами его производного значения, суть отношения **партитивности** «часть / целое»: частичного сходства (метафора), двухчастного интегрального целого (метонимия), включенности части в целое (синекдоха).

3. Система лексических значений знаменательного слова.

Всякое знаменательное слово языка имеет в синхронии, как правило, одно основное значение. Производных значений может быть несколько. В совокупности эти значения образуют элементарную понятийную (концептуально-смысловую) сеть.

Проиллюстрируем эту мысль на примере анализа системы лексических значений слова *обезьяна*. Приведем словарную статью из Словаря Ушакова, слегка модифицировав ее.

Словарная статья существительного *Обезьяна*

Основное значение (концепт).

1. Концепт ОБЕЗЬЯНА = Стадное животное из отряда высших млекопитающих, обладающее развитым мозгом, наиболее близкое к человеку по строению тела и движениям, способное передвигаться на одних задних лапах и использовать передние лапы, чтобы брать предметы.

Производные значения (смыслы).

Значение 1.1 = Человек, который, подобно обезьяне, склонен гримасничать, кривляться, или передразнивать других.

Значение 1.2 = 'Очень некрасивый человек' = Человек, который, подобно обезьяне, имеет безобразную внешность, ср.: *А ты видела ее мужа? Он настоящая обезьяна!*

Значение 1.3 ≈ ‘Бестактный, «дикий» человек (бранное слово)’ = Человек, который, подобно обезьяне, пренебрегает нормами поведения, ср.: — *Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то?* (А. Островский).

Основное значение определяет обезьян как изолированную категорию (вид) животных, строго отделенную как от человека, так и от животных других видов. Базовый концепт представляет собой синтез Формы (типизированного внешнего вида и структуры тела обезьяны, включая типичные формы ее поведения, взаимодействия с окружением, звуковые сигналы и пр.) и Содержания (осмысления Формы: живое существо, способное осуществлять те или иные действия с соответствующими целями, опасное или нет, и пр.). Главное качество основного значения — его целостность, представляющая обезьяну как реальное живое животное.

Производные значения — задают **подклассы людей, которым присущи свойства, сходные с типичными свойствами обезьян** (согласно русским народным представлениям обезьяны кривляются и передразнивают окружающих, внешне уродливы и совершенно неуправляемы). Какое именно свойство обезьян приписывается человеку, следует из контекста, в котором употреблено слово в производном значении.

Метафорическое значение 1.1 реализуется во фразе *Ваня настоящая обезьянка* (‘кривляющийся, гримасничающий человек’).

Производное значение 1.2 реализуется во фразе *А ты видела ее мужа? Он настоящая обезьяна!* (‘очень некрасивый человек’). Здесь контекст поддерживает уже иной подкласс людей, сближающихся с обезьяной по другому основанию — уродливой внешности.

Аналогично формируется и производное значение 1.3: ‘«дикий», не следующий нормам поведения, человек’, — *возникающее, к примеру, во фразе Не суйся, куда не следует, обезьяна! Здесь, согласно контексту, люди сближаются с обезьянами по третьему основанию.*

Итак, производные значения 1.1—1.3 задают в категории «Человек» три различных подкласса людей, которые играют роль смысловых мостиков, связывающих категории «Обезьяна» и «Человек».

В толковом словаре (БТС: 665) приводится еще одно производное значение — 1.4 = ‘Мех нутрии, выделанный под обезьяний’. Легко убедиться, что оно образуется аналогично предыдущим: вводит новый контекстно поддержанный концепт — МЕХ и выделяет в нем подкласс (вид меха), сближающийся с обезьянами по схожести с их шерстью.

Разобранные примеры наглядно иллюстрируют **роль производных значений (смыслов)** слов: **в совокупности с основными значениями они задают таксономическое представление мира в виде концептуально-смысловой сети.** Если основные значения (базовые концепты) задают первичную и глобальную категоризацию мира, то производные значения (смыслы), во-первых, дают более дробную классификацию мира, выделяя подклассы категорий, а во-вторых, посредством этих подклассов связывают между собой изолированные базовые категории. Тем самым производные значения превращают глобальную категоризацию, задаваемую основными значениями, в связную таксономическую сеть.

Из сказанного следует, что система лексических значений слова имеет звездообразную структуру, в которой производные значения между собой никак не связаны. Единство производных значений слова обусловлено исключительно их источником — основным значением, с которым они связаны по отдельности. Поэтому диффузности — непрерывного перехода от одного производного значения к другому — между ними нет. Производные значения действительно могут быть очень близки друг к другу, но эта близость обусловлена сходством их связей с основным значением, а не непосредственным преобразованием одного производного значения в другое (см. к этому ниже п. 7, в котором анализируется аналог понятия диффузности — «радиальная категория» Дж. Лакоффа).

4. Содержание основного значения. Обратимся еще раз к вопросу о природе основных (концептуальных) значений. По существу, ответ на него находим уже у Виноградова: «Обозначая явление, предмет, слово (его основное значение. — *А. К.*)... отражает понимание „кусочка действительности“ и его отношений к другим элементам той же действительности». Проявляется это понимание «кусочка действительности» прежде всего в том, что концепт (основное значение) задает категорию, т. е. класс сходных кусочков действительности.

Иными словами, основными значениями слов являются базовые концепты — когнитивные единицы, внеположные языку, задающие универсальную (присущую всем людям) классификацию мира. Понятие **базовый концепт** — одно из центральных в когнитивной психологии. В рамках направления исследований, связанного с именами Э. Рош, Б. Берлина, П. Экмана, Дж. Лакоффа и др., было сделано важное открытие, касающееся формирования у детей **первичных категорий** («Яблоки», «Люди», «Петухи», «Стулья»). На разнотипных приме-

рах было показано (см. [Лакофф 2004: 52—85]), что родовые категории формируются у ребенка первыми и являются для него исходно понятными. Кроме того, «дети усваивают имена вещей на этом уровне раньше всего» (с. 55—56). Когнитивные единицы, задающие родовые категории, стали называть базовыми, или концептами базового уровня.

Опираясь на работы своих предшественников, Лакофф определяет концепт как «воплощенное (телесное) знание, непосредственно основанное на чувственном опыте человека, и прежде всего на его гештальтном восприятии и телесной моторике» (с. 12—13, 58—79). Это «знание» задает категорию как совокупность объектов, а) которые имеют сходный облик (общую форму) и б) при взаимодействии с которыми люди используют сходные действия.

Согласно другой традиции когнитивных исследований в основе базовых концептов человека (ребенка) лежит двухкомпонентная структура «форма — функция» [Mervis 1987; Rakison 2000].

В нашей трактовке понятия концепта эти традиции объединены и расширены. Во-первых, общей формой концепта, задающего категорию явлений действительности, мы называем всю (типизированную) совокупность **доступных восприятию** данных об этих явлениях. Скажем, общая форма живого существа — это не только его внешний вид и структурированная совокупность частей, но и совокупность его наблюдаемых форм поведения. Наряду с общей **формой** концепт аккумулирует еще и единое **содержание**, присущее всем членам категории, — совокупность знаний о ее членах, не содержащихся в их форме, т. е. знаний, недоступных непосредственному восприятию. Содержание, как мы покажем далее, является главным компонентом концепта. Его можно мыслить как предельное расширение понятия функции членов категории — как потенциал связанных с ними, точнее с их формой, человеческих **интенций**.

К примеру, формой концепта ЧЕЛОВЕК является структура и внешний вид тела человека и его типичные формы действий, а содержанием — то, что это живое существо, животное со специфическими видовыми характеристиками: способностью к овладению и использованию языка, к развитому мышлению, к созданию орудий труда и пр., а также совокупностью знаний, объясняющих его поведение.

Кроме того, мы расширяем понятие концепта, распространяя его на «естественные» (имеющие общую кинематическую форму и общее содержание) движения и действия.

Примеры (описание формы и содержания в них предельно лаконично).

Слово *петух* задает категорию «Петухи» двумя неразрывными составляющими: i) содержанием и ii) формой:

- (5) *Петух* (основное значение, или концепт ПЕТУХ) =
 i) Живое существо, самец курицы (содержание);
 ii) имеет следующий внешний вид (общая форма)

Глагол *бежать* во фразе *Человек бежит* имеет концептуальное значение, которое задает категорию соответствующих движений человека, или категорию «Человек бежит»:

- (6) *Человек бежит* (основное значение, или концепт ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ) =
 i) Человек для достижения своей цели — «переместиться в некоторый пункт Р» — выбирает торопливую манеру перемещения (содержание);
 ii) движется в направлении Р посредством своих ног, переступая ими по земле следующим способом (общая кинематическая форма⁵).

Среди важнейших свойств концептов отметим следующие два свойства. Во-первых, концепты и задаваемые ими категории имеют **вневербальный** и **общечеловеческий статус**: они формируются и существуют в мире и памяти человека (ребенка) независимо от его языка и этнической принадлежности.

Согласно недавним данным, усвоение родного языка не влияет содержательно на этот процесс, но влияет на скорость его протекания, ср.:

⁵ Кинематические формы для бега (6) и ходьбы (9) получены покадровой фиксацией точечных анимаций этих движений, представленных на веб-сайте (<http://www.biomotionlab.ca/index.php>) кингстонской лаборатории биодвижения.

В возрасте 12—13 месяцев младенцы обладают восприимчивостью к изначальной широкой связи между усвоением слов и концептуальным развитием. (...) Результаты показывают, что примерно к 12-месячному возрасту процесс именованья поддерживает формирование объектных категорий. Младенцы, услышав новые слова... в процессе ознакомления, успешно формировали объектные категории... В контрольной ситуации «No Word» (отсутствие слова) младенцам это не удалось. (...) Мы интерпретировали эти данные как доказательство того, что слова служат побудительными стимулами к образованию категорий, и предположили, что этот простейший стимул имеет далеко идущие последствия. (...) Наконец, в своей зачаточной форме связь между именованьем и категоризацией может присутствовать уже примерно в 6-месячном возрасте... [Waxman 2008: 99—101; курсив Ваксман].

Более того, в статье С. Ваксман с соавторами ([Ferry et al. 2010]) наличие «связи между именованьем и категоризацией» выявлено даже у 3—4-месячных младенцев.

Обнаруженную связь некоторые исследователи (С. Ваксман, Ф. Ксу [Xu 2007]) стали трактовать как свидетельство доминирующего влияния речевого развития младенца на его когнитивное развитие.

Однако имеются данные, свидетельствующие о независимости от языка базовых концептов. Так, С. Пинкер, не соглашаясь с такой доминирующей ролью имен, ссылается на эксперименты, проведенные с обезьянами (макаки резус) [Hauser 2000; Santos et al. 2002]. В них было установлено, что у 12-месячных детенышей обезьян формируются категориальные классы, «как у вас или у меня... хотя обезьяны, конечно, не знали ни слова по-английски» [Pinker 2007: 137]. И С. Ваксман в упомянутой выше работе [Ferry et al. 2010: 473] приняла эту аргументацию, согласившись с положением о содержательно независимом от усвоения имен формированием у ребенка базовых концептов.

Известно также, что дети **осваивают** и **именуют** объекты этих категорий раньше других объектов [Rosch et al. 1976: 72]. Ср. также мнение С. Н. Цейтлин: «Очевидно, ребенок первым усваивает то из значений многозначного слова, которое актуально в его предметно-практической деятельности» [Цейтлин 2000: 199]. Понятно, что в данном случае актуализируется прежде всего концептуальное значение. Тем самым, разумно предполагать, что концепты становятся первыми лексическими значениями детских слов и фраз, а категории предметов, действий и качеств, определяемые этими концептами, становятся референтами этих слов и фраз.

З а м е ч а н и е. Среди работ, подтверждающих эту точку зрения, следует прежде всего упомянуть серию исследований, посвященных анализу тенденции, развивающейся у ребенка к 18 месяцам, которую с 1988 г. стали называть «предпочтением формы» (shape bias). «Когда дети усваивают имена новых объектов, они стремятся распространять эти имена на другие объекты такой же формы; этот феномен получил название *предпочтение формы*» [Markson, Diesendruck, Bloom 2008: 204].

Анализ этой тенденции (см., напр., [Pereira, Smith 2009]) позволяет утверждать, что примерно с 18-месячного возраста главным ориентиром для ребенка при назывании объектов служит их внешний вид, и прежде всего их пространственная форма.

Завершая анализ природы основного значения, отметим, что слово в основном значении отвечает известной схеме семантического треугольника (см. к этому [Лайонз 1978: 427]). Так, для фразы *Человек бежит* эта схема приобретает вид:

Имя (*Человек бежит*) — Основное значение (6) — Референты (варианты формы ii), имеющие одно и то же содержание i).

Подчеркнем: референтами слова в основном значении являются реальные предметы, действия, качества, внеположные языку, т. е. явления, имеющие самостоятельный, внеязыковой статус существования в реальном мире человека.

5. Содержание производного значения. Сосредоточимся пока на метафорических производных значениях. Покажем, что данное в п. 2 определение (1) метафорического значения слова справедливо и для глагольных значений. Рассмотрим глагол *бежать*, точнее, фразу *Иван побежал к начальнику*, сказанную о человеке, который не побежал, а быстро пошел к начальнику. В ней глагол *побежал* отнесен к референту глагола *пошел* и имеет метафорическое значение:

(7) *Иван побежал* ≈ Иван пошел, начав двигаться ‘поступательно, ритмично и торопливо’, подобно тому как начинает движение бегущий человек.

В этом значении глагол *бежать* придает ходьбе Ивана типичное свойство бега ‘выраженная ритмичность (не плавность) и торопливость’, не характерное для человеческой ходьбы. Как мы видим, это значение не содержит (целиком) концептуального значения (6) глагола *бежать* (как утверждал В. В. Винградов, см. п. 1) иначе мы восприняли бы фразу *Иван побежал к начальнику* как некорректную но-

минацию, поскольку о быстро идущем человеке нельзя сказать, что он бежит (в основном значении глагола).

Отметим **качественное различие референтов основного и производного значения** слова. Если референты слова в основном значении имеют объективный статус, т. е. представляют собой реальные объекты, качества и действия, внеположные языку, то референты слова в производном значении, напротив, формируются при посредстве языка и потому не обладают объективным, внеположным языку статусом.

В самом деле, они базируются на отдельных свойствах основных значений, обладающих этноспецифической, а не общечеловеческой значимостью. К примеру, для русского языка характерно выделение в концепте ОБЕЗЬЯНА свойств ‘кривляется, передразнивает окружающих’ и ‘уродливая карикатура человека’; в английском языке первое свойство сохраняется, а второе — нет. В немецком же языке вместо этих свойств в концепте ОБЕЗЬЯНА выделяется другое свойство: ‘развязное, бесшабашное поведение’, сходное с поведением пьяного человека (подробнее об этноспецифике производных значений см. п. 6). Сказанное верно и для действий.

Следовательно, о референтах слов с производными значениями можно говорить только в рамках конкретного языка, в котором эти значения существуют. Вне данного языка у его производных значений референтов нет. Поэтому семантическая схема фразы (слова) с производным значением является бинарной (не содержащей референта), аналогичной схеме Означающее — Означаемое (см. [Соссюр 1977: 147]).

6. Универсальность и лингвоспецифичность производных значений. Естественно полагать, что рассмотренные три типа производных значений универсальны, т. е. присущи всем человеческим языкам. Парадоксально, однако, что эта универсальность не влечет за собой универсальности самих производных значений. Очень часто основные значения слов в разных языках совпадают, а производные от них значения совпадают лишь частично или не совпадают вовсе.

Например, основные значения английских глаголов *walk* и *run* совпадают с основными значениями их русских эквивалентов *идти* и *бежать* (см. сноску 1 в начале п. 2). Однако их производные значения совпадают лишь частично. Вообще же, если у глагола *идти* около 40 производных значений, а у глагола *бежать* их гораздо меньше,

то в английском языке картина обратная: глагол *to run* имеет гораздо больше атрибутивных значений, чем глагол *to walk*.

У глагола *walk* типичные производные значения иные, чем у глагола *идти*, ср.: 1. 'выгуливать животное' *Ann walked her dog in the park* («Анна выгуливала свою собаку в парке»); 2. 'проводить, сопровождать' *Michael will walk you home* («Майкл проводит тебя до дома»). Русскому языковому мышлению они совершенно не свойственны, хотя и вполне понятны. Их производный характер объясняется тем же, что: цель ходьбы — «переместить себя в другое место» — не является главной ни для Анны, ни для Майкла.

В то же время некоторые другие производные значения глагола *walk* аналогичны русским. Так, фраза *The person runs in place* описывает человека, бегущего на месте, синонимична фразе *Человек бежит на месте*. О кукле, которая движется по сцене на ниточках, прикрепленных к ее ногам, можно сказать *Кукла идет*, но можно сказать и *The doll walks*. В то же время по-русски корректно сказать *Дорога идет через лес* и допустимо — *Дорога *бежит через лес*, ср. *Дорога бежала через поле, потом через лес*, а по-английски — фраза *The road runs through the forest* корректна, а фраза *The road *walks through the forest* — нет. По-русски вполне нормально сказать *Поезд идет / тепловоз идет / туча идет* 'движется поступательно, небыстро и плавно'. По-английски аналогичные фразы с глаголом *walk* недопустимы. Это верно и в отношении фраз *Ну и шляпа же ты* (= 'растяпа') и *Oh, you are a real *hat* (эта фраза некорректна).

Одинаково корректны в русском и английском языках фразы: *Ваня не мальчик, а маленькая обезьянка* (= 'гримасничает, кривляется, передразнивает других') и *Vanya is not a boy, but a little monkey*; Это *не молоко, а вода* (о молоке малой жирности), *This is water, not milk*. И напротив, существенно различаются фразы *Ты видела ее мужа? Он настоящая обезьяна!* (= 'очень некрасивый человек'), *Have you seen her husband? He is a real dog (*monkey)*; *Эти тарелки были сделаны из дерева* и *These dishes were made of wood (*tree)*; *Эй, шляпа!* и *Hey, you in the hat!*

Аналогичная картина наблюдается и в сопоставлении русского и немецкого языков. Например, в немецком языке производное значение слова *обезьяна* выражает особый тип 'развязного, бесшабашного поведения', характерного для опьяневшего человека, ср.: *sich einen Affen kaufen* — разг. 'начать пить и немного охмелеть', букв. — 'купить себе обезьяну'; *den Affen loslassen* — разг. 'предаваться буйному (пьяному) веселью', букв. — 'выпустить обезьяну'.

7. Референциальный анализ концептуальных значений. Нередко производное значение образовано весьма существенной частью концепта и потому не сильно отличается от него. В таких случаях для идентификации типа значения необходимо располагать по возможности полным описанием концепта. Чтобы проиллюстрировать сказанное, проведем анализ концептуального значения фразы *Человек идет*. Это значение задает общечеловеческую категорию «Человек идет», которую можно сформулировать так:

- (8) Категорию движений «Человек идет» составляют все референты фразы *Человек идет*, взятой в ее концептуальном (основном) значении, и только они. Критерием принадлежности конкретного движения человека к данной категории будет **корректность именованя такого движения фразой *Человек идет***.

Опираясь на определение (8), мы теперь можем проанализировать различные референции фразы *Человек идет*, чтобы более строго охарактеризовать ее основное значение (концепт ЧЕЛОВЕК ИДЕТ) и в соответствии с ним более строго очертить множество производных значений.

1) Зададимся вопросом: относится ли референт фразы *Иван идет на месте* к категории «Человек идет»? Применение определения (8) сразу дает ответ: нет, поскольку такой референт некорректно назвать фразой **Иван идет* (без фразового расширения *на месте*). Следовательно, концепт ходьбы должен содержать характеристику «поступательное перемещение».

2) Возьмем другой вид ходьбы: человек движется по лесу, постоянно меняя направление (скажем, собирает грибы). Это движение корректно назвать фразой *Человек ходит по лесу*, но не фразой **Человек идет по лесу*. Следовательно, в концептуальном значении этой фразы обязательно должно присутствовать свойство 'поступательное перемещение к одной пространственной цели'. Конечно, человек может идти по дорожке без всякой пространственной цели. Но тогда глагол *идти*, отнесенный к его движению, имеет производное значение.

3) Представим теперь такую ситуацию: садовник сформировал новую дорожку, присыпал ее песком и теперь утаптывает ногами. При этом он поступательно перемещается к концу дорожки. Однако ни один носитель русского языка не скажет в этом случае, что *Садовник идет по дорожке*. Будет сказано иное: *Садовник утаптывает*

дорожку. Дело в том, что для садовника пространственная цель вторична, т. е. является средством для достижения в процессе движения другой, главной цели — ‘утоптать дорожку’. Этот и другие подобные примеры свидетельствуют о том, что **в концепте ходьбы пространственная цель** (переместиться в данный пункт) **является главной**.

В итоге проведенного анализа получаем следующее описание искомого концепта:

(9) Основное значение фразы *Человек идет* (концепт ЧЕЛОВЕК ИДЕТ) ≈

- i) Человек для достижения своей **главной** цели — «переместиться в пункт Р» — выбирает неторопливую манеру перемещения и оптимальный наземный путь к пункту Р⁶ (содержание) и
- ii) человек движется в направлении Р по этому пути посредством своих ног, переступая ими по земле следующим способом (кинематическая форма)

Понятно, что содержание, близкое к содержанию (9-i), присуще также человеческому бегу (в нем «неторопливая манера» заменяется на «торопливую манеру»), независимо от того, кто бежит: «наматывает ли круги на беговой дорожке стадиона Карл Льюис или бабушка бежит к телефону» [Golinkoff et al. 2002: 604]. В последнем примере фраза *Бабушка бежит к телефону* имеет основное значение, поскольку в ней это содержание представлено в полной мере. Что же касается фразы *Карл Льюис бежит по дорожке стадиона*, то она имеет основное значение лишь в случае, если речь идет о соревновании по бегу, когда пространственная цель — достичь финиша — является для спортсмена главной. Если же Карл Льюис «наматывает круги» с другой целью — «потренироваться, размяться перед соревнованием», то эта фраза имеет уже производное (метафорическое) значение, поскольку в данном случае пространственная цель вторична.

Аналогичные метафорические значения имеет глагол *идти* во фразах *Мы идем погулять / подышать свежим воздухом / проветриться*, сказанных уже в процессе ходьбы, в актуально-длительном значении.

⁶ Подробнее о компонентах движения «манера / путь» и др. см. в [Talmy 1985: 57—66].

Эти примеры наглядно иллюстрируют важность точного описания концептов ХОДЬБА / БЕГ ЧЕЛОВЕКА. Если в них не включать свойство «пространственная цель — главная», то значение ‘идти / бежать для тренировки’ выглядит как расширение («обрастание») концептуального (основного) значения дополнительным свойством (целью). Тем самым метафорическая сущность этого значения утрачивается.

Подчеркнем еще раз: хотя производные значения ‘идти, чтобы размяться’ и ‘идти, чтобы подышать свежим воздухом’ весьма близки к основному значению глагола *идти*, это качественно иные, производные значения. В них «естественная» ходьба, исходно предназначенная для реализации главной цели — переместить тело в другое место — используется для совершенно иной цели. Концепт же синкретичен: все его свойства представляют собой целостное единство, неподвластное частичной модификации. Локальная замена исходно главной (пространственной) цели на какую-то другую главную цель невозможна, поскольку разрушает эту целостность. Такая замена допустима лишь при полном преобразовании концепта — дифференциации в нем вполне самостоятельного свойства (частей), которые теперь способны служить источником для производных значений независимо от того, какую долю концепта они составляют.

8. Теория лексических сетей. Теперь мы можем сравнить излагаемую нами точку зрения с внешне схожей с ней теорией лексических сетей (lexical network theory) [Norvig, Lakoff 1987; Brugman, Lakoff 1988]. В этой теории система лексических значений многозначного знаменательного слова представляется в виде сети, центральное (и начальное) значение где центральное (и изначальное) место занимает базовый концепт, от которого отходят цепочки других смыслов, «минимально» отличающихся друг от друга (составом участников действия и их ролями (агента, источник, реципиент и др.), метафоризацией и пр.). В статье [Norvig, Lakoff 1987] дается лексическая сеть для семи значений глагола *to take*, представленных фразами: 1. *Джон взял книгу у Мэри* (значение, или базовый концепт take-1 — ‘физически схватить’), 2. *Джон взял книгу для Мэри* (смысл take-2), 3. *Джон взял книгу в Чикаго* (смысл take-3), *Джон взял Мэри в театр* (смысл take-4) и др. По мнению авторов, смысл take-2 отличается тем, что агент (Джон) уже не является реципиентом (получателем книги), смысл take-3 — тем, что вместо реципиента (Мэри) фигурирует место, в которое требуется переместить книгу, а смысл take-4 признается уже метафорическим и наиболее близким к смыслу take-2. В результа-

те формируются две разветвляющиеся цепочки лексических смыслов: take-1 → take-2 → take-3 и take-1 → take-2 → take-4.

Данный подход базируется на понятии «радиальная категория», которая «структурирована радиально по отношению к ряду ее субкатегорий: имеется *центральная* субкатегория... кроме того, имеются *нецентральные расширения*, которые не являются специфическими примерами центральной субкатегории, но представляют собой ее варианты» [Лакофф 2004: 128; курсив Лакоффа]. Например, значение слова *мать* является центральной субкатегорией, а значения выражений *приемная мать*, *суррогатная мать* и т. д. — ее расширениями (вариантами).

Наша точка зрения существенно иная. Мы разделяем лексические значения знаменательного слова не по степени их близости, а по их типу: основное значение (базовый концепт) и производные от него смыслы. В соответствии с этим принципом семантически близкие значения могут относиться к разным типам и тем самым качественно отличаться друг от друга. Например, во фразе *Карл Льюис бежит по дорожке стадиона* в зависимости от цели движения агенса (достичь финиша или потренироваться) глагол *бежать*—будет иметь в первом случае основное, а во втором — метафорическое значение. Поэтому наша сеть лексических значений слова имеет звездообразный вид: от основного значения (базового концепта) в разные стороны расходятся производные смыслы, между собой уже никак не связанные (хотя некоторые из них могут быть очень близкими друг к другу). В соответствии со сказанным, в рассмотренном примере смысл take-2 мы также считаем базовым концептом (как и смысл take-1), поскольку во фразе *2 Джон взял книгу для Мэри* Джон, как и в первом случае, ‘физически схватил’ книгу. Смысл take-3 во фразе 3, напротив, уже производный — метафорический, поскольку Джон вообще мог не прикасаться к книге (если не он укладывал свой чемодан). Смысл take-4 также метафоричен. В результате, в нашей сети от базового концепта take-1 / take-2 должны отходить отдельными «лучами» два метафорических смысла: take-3 и take-4.

9. Усвоение лексических значений. В свете сказанного можно предположить, что усвоение нового слова в основном значении сводится для ребенка к разгадыванию загадки: именем какого концепта это слово является и какие явления оно именуется? ⁷ Для отгадки ребен-

⁷ Мы несколько идеализируем ситуацию и игнорируем явление сверхгенерализации (обобщенности первых лексических значений ребенка), которое постепенно исчезает.

ку нужны две вещи: во-первых, он должен уже иметь в своей памяти концепт (в более или менее сформированном виде), а во-вторых, ему необходимо видеть, какие предметы или действия, точнее, какие их формы называют этим словом окружающие его люди. Тогда он легко идентифицирует по этой форме и общий концепт, именуемый словом. Иначе говоря, слово выступает в роли этикетки в отношении своего основного (концептуального) значения и своих референтов — внеположных языку членов категории.

Точно так же усваиваются и производные значения слов, называющих **изображения реальных объектов и действий** (их фотографии, рисунки, игрушечные копии, бутафорные и декоративные предметы), поскольку их внешний вид распознаётся детьми столь же быстро, сколь и внешний вид реальных объектов. Например, свои игрушки — куклу, мишку, машину — они воспринимают как реальные объекты⁸.

Усвоение более **содержательных** производных значений складывается совершенно иначе. До какого-то момента развития ребенка в его памяти представлены только целостные (синкретичные) концепты, а следовательно, только категории вещей [Кошелев 2009] и их изображений. На этом этапе ребенок в принципе не способен усваивать производные значения, отличные от рассмотренного выше изобразительного типа. Но и позже, когда ребенок научается дифференцировать свои концепты, т. е. видеть их отдельные свойства (см. [Кошелев 2008а: 225—228]), проблема с усвоением производного значения остается.

Ребенок сталкивается с неожиданным для себя явлением: окружающие его взрослые иногда называют известным ему словом посторонний объект, т. е. предмет или действие, заведомо не принадлежащее к классу основных референтов слова. Например, словом *петух* называют человека, фразой *Молоко убегает* называют вытекание из кастрюли вскипающего молока и пр. На первых порах ребенок негативно воспринимает «неправильные» номинации взрослых, ср.: «Особенно часто критикуют дети высказывания, в которых используются глаголы движения... в их производных значениях: „Молоко не может

⁸ Возможно, это проявление элементов атавистического мышления, ср.: «Общеизвестен тот факт, что первобытные люди и даже члены уже достаточно развившихся обществ... считают пластические изображения существ, писанные красками, гравированные или изваянные, столь же реальными, как и изображаемые существа» [Леви-Брюль 1999: 37].

убежать, у НЕГО ЖЕ НЕТУ НОГ!“; „*Дорога сбегает с горки. А что, разве у нее НОГИ есть?*“» [Цейтлин 2000: 199—201], см. также [Елисеева 2008: 113—114]. Но через некоторое время ребенок каким-то образом начинает понимать эти «неправильные» номинации.

Наше объяснение данного феномена сводится к следующему. Понимание производных значений обеспечивают ребенку два новообразования, т. е. две новые способности. Во-первых, в возрасте примерно двух лет в когнитивном развитии ребенка происходит очередной (и революционный) шаг: окружающий мир, прежде целостный, вдруг становится, с одной стороны, дискретным, распавшимся на отдельные свойства и части, а с другой стороны, системным — многие совокупности свойств и частей объединяются в новые интегральные системы (композиционные представления) [Кошелев 2008а: 225—228]. Теперь при анализе «странной» номинации взрослого ребенок **способен** делить концепт слова на составляющие и соотносить их не с целостным «чужим» референтом, также представленным набором свойств и частей. Тем самым у него появляется возможность соотносить друг с другом отдельные свойства концепта (или его типичного референта) и его нового референта.

Но как догадаться, что нужно выбирать отдельное свойство, и как его выбрать? Ведь разные явления можно уподобить по самым различным свойствам? Остенсивное определение здесь не помогает, поскольку нельзя указать на отдельное свойство предмета или концепта.

С метафорой еще более или менее понятно: здесь новый объект и известные ребенку референты связаны частичным сходством. Поэтому, когда ребенок научается выделять в прежде синкретичных концептах отдельные свойства или части, т. е. научается видеть в целостном концепте составляющие его компоненты, он в принципе может обратить внимание на частичное сходство прежнего и нового референтов. Но как понять метонимию, при которой требуется проверять интегральную целостность (функциональную сочетаемость) прежнего референта и смежного с ним нового объекта? Или синекдоху, когда в новом объекте известный ребенку референт должен быть не просто частью, а частью, идентифицирующей этот объект? Следует при этом иметь в виду, что первые производные значения ребенок начинает порождать примерно в два года (примеры см. ниже), когда его мыслительные способности находятся еще в зачаточном состоянии.

Разумно предположить, что способность к пониманию и порождению производных значений приходит к ребенку лишь благодаря второму новообразованию: спонтанной активизации собственного

механизма усвоения и порождения производных значений (метафор, метонимий и синекдох). Этот механизм, совместно с первым новообразованием (дифференциацией и интеграцией), и направляет усилия ребенка в нужное русло, позволяя ему понимать и самостоятельно формировать столь сложные и не похожие друг на друга производные значения.

Короче говоря, при восприятии слова в производном значении ребенок сам **формирует это значение**. Оно не существует для него, подобно синкретичному концепту, вне языка. Ребенок способен разделять на отдельные свойства как свой базовый концепт, так и новый («неправильный») референт. Но только благодаря воспринятому высказыванию и своему механизму порождения производных значений ребенок понимает, какое отношение их объединяет.

10. Феномен производных значений. Приведенное рассуждение объясняет лишь один аспект загадочного явления — как ребенок понимает и усваивает производные значения услышанных слов (фраз). Вскоре, однако, он сам начинает употреблять слова в производных значениях, причем в таких, которые раньше никогда не слышал. И употребляет он их в полном соответствии с языковой интуицией окружающих.

Это тоже загадка. Ведь от одного основного (концептуального) значения можно породить множество различных производных значений. Однако, в отличие от основных, производные значения лингвоспецифичны. От одного и того же основного значения в русском языке порождаются одни производные значения, в английском языке — другие, а в немецком — третьи.

Более 200 лет назад А. С. Шишков в своей книге «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», описывая расхождение производных значений русского слова *свет* и его французского коррелята *lumière*, прозорливо объяснил причину этого расхождения: «сцепление понятий у каждого народа делается своим особливим образом» [Шишков 1803/2010: 35—36].

Полностью разделяя этот тезис, мы должны сделать из него неизбежный вывод: ребенок не только усваивает какой-то начальный набор производных значений, вместе с ним он также усваивает всю систему «сцепления понятий», свойственную его родному языку. Но что такое «сцепление понятий»? Разумно предположить, что это специфический, присущий данному этносу взгляд на окружающий мир — коллективные этнические представления о мире, содержащие среди

прочего общие правила, касающиеся того, какие явления и по каким свойствам уподобляются друг другу, а какие нет (как писал В. В. Виноградов, производные значения «слиты со спецификой данного конкретного языка» и являются продуктами «национального творчества данного народа»), ср. также мысль В. фон Гумбольдта: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [Гумбольдт 1956: 71].

11. Лексическая многозначность и ее когнитивные истоки.

У человеческого языка есть одно удивительное свойство — лексическая многозначность. Это свойство относится к числу семантических универсалий. Оно присуще лексике всех известных языков. Однако причины существования многозначности неясны.

Проведенные выше рассуждения дают основания для следующей гипотезы.

Формирующаяся у ребенка (в процессе его когнитивного развития) совокупность базовых концептов отражает целостное и **концептуальное представление** окружающего мира. В нем элементарными единицами выступают поименованные концепты и их референты: реальные предметы, живые существа, качества и действия. Между тем человеку свойственно также более дробное, **дискретное** или **смысловое представление** этого же мира. Оно начинает формироваться у ребенка примерно с двухлетнего возраста, благодаря возникающей у него в это время способности к дифференциации своих концептов. Теперь ребенок начинает оперировать дробными когнитивными единицами — отдельными компонентами базовых концептов, а значит и предметов, действий и качеств. А поскольку он обретает также способность к системной интеграции этих (гораздо более мелких и многочисленных) единиц, он теперь сам может устанавливать смысловые связи между концептами и их референтами и строить соответствующие двухкомпонентные понятия (производные значения).

Но здесь и коренится для ребенка главная опасность: он имеет все шансы утратить возникшее было (с усвоением базовых концептов) взаимопонимание с окружающими людьми. Чтобы избежать этой опасности ребенку необходимо стремиться к формированию общего с его социумом взгляда на окружающий мир. Следовательно, в его памяти должны возникать не произвольные, а этноспецифичные двухкомпонентные понятия, отражающие коллективные представления его социума о близости разных категорий, иначе говоря, о сцеплении различных понятий. Актуализирующийся у ребенка примерно в это

же время механизм формирования производных значений (метафор, метонимий и синекдох) и призван, как нам кажется, решить эту задачу. Направляемый родным языком ребенка и присущей этому языку схемой сцепления понятий, он формирует в его памяти адекватные производные значения. (Аргументируя ниже эту гипотезу, мы, в частности, покажем, что примерно в два года ребенок одновременно начинает а) дифференцировать окружающие его предметы на части и б) порождать все виды производных значений. О непосредственной связи производных значений с процессами дифференциации и интеграции свидетельствует и тот факт, что все три типа производных значений образуются с помощью партитивных отношений «Часть / Целое», см. конец п. 2.)

Рассмотрим более подробно работу механизма формирования производных значений и его взаимодействие с языком.

При восприятии ребенком фразы с производным значением, данный механизм, во-первых, формирует в его памяти **новое двусоставное понятие** (собственно производное значение), которое задает новые, **производные референты** — объекты другой категории, семантически связанные с прежними (основными) референтами. Во-вторых, это «гибридное» понятие является **этноспецифичным**, т. е. отражает «сцепление» новых (производных) и основных референтов, признанное окружающими ребенка людьми (результат направляющего действия языка — воспринятой фразы). В-третьих, сформированное понятие получает уже известное ребенку имя — **имя базовой категории**. Тем самым язык задает новый принцип номинации. Раньше имя называло только свою, причем целостную категорию (или две различные категории, в случае омонима). Теперь имя, наряду со своей категорией, может при поддержке контекста называть **подкласс объектов другой категории**. Такой (мнемонический) способ номинации, когда производный смысл, задающий подкласс объектов другой категории называется именем базового концепта, семантически связанного с этим подклассом, по-видимому, является **языковой универсалией**. Он и порождает **лексическую многозначность**⁹.

⁹ В рамках предложенного объяснения, образование полисемии не связано напрямую с усилением коммуникативных возможностей языка. Этот факт согласуется с положением Н. Хомского о том, что язык, будучи компонентом целостной системы, обеспечивающей работу человеческого сознания, приспособлен прежде всего для решения задач, связанных с его ролью в этой системе. С этих позиций коммуникативная функция языка может оказаться вторичной, не связанной напрямую с его системными функциями, ср.: «Вместо того, что-

Итак, согласно изложенной точке зрения, лексическая многозначность обусловлена дискретным и системным представлением окружающего мира (качественно новым по сравнению с концептуальным представлением). Есть основания считать данное представление видоспецифической характеристикой человека. Если это так, то полисемия является универсальной характеристикой не только человеческого языка, но и человеческого представления мира.

В предыдущей статье «О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты), п. 8» мы показали, что в детском развитии отчетливо прослеживается одновременное возникновение способности а) к формированию дискретного представления мира и б) к порождению производных значений. Этот факт служит одним из аргументов, подтверждающих данную гипотезу.

Итак, возникновение у ребенка дифференцированного и системного представления мира с неизбежностью влечет за собой полисемию — формирование у его однозначных слов производных значений. Их главная функция — обеспечить расширение сферы взаимопонимания ребенка и окружающих его людей. Если усвоение основных значений слов (базовых концептов) можно считать первым (и универсальным) шагом ребенка на этом пути, то усвоение производных значений знаменует собой второй (и уже этноспецифичный) шаг, углубляющий это взаимопонимание. Теперь набор базовых концептов ребенка, прежде изолированных, превращается в концептуально-смысловую сеть, в которой производные значения, подобно смысловым мостикам, связывают концепты между собой. Тем самым у ребенка **начинает формироваться общая с его социумом картина мира.**

12. Лексическая «языковая способность». Коснемся онтологического статуса механизма формирования производных значений. Для этого представим его в виде двух составляющих: процедуры Сцепления понятий (процедуры СП) и схемы Сцепления этноспецифических понятий (схемы СЭП). Процедура СП образует любые семантически обоснованные двусоставные («производные») понятия, не ограничен-

бы задать ... вопрос: хорошо ли сконструирован язык для употребления, мы зададим другой вопрос: хорошо ли он сконструирован для взаимодействия с системами, внутренними по отношению к сознанию <...> Использование языка для коммуникации может оказаться чем-то вроде эпифеномена» [Хомский 2005: 156—157].

ные спецификой конкретного языка. Схему СЭП можно мыслить как универсальную в начальный момент систему, заданную совокупностью «принципов» и «параметров». Последние конкретизируются при усвоении ребенком производных значений его родного языка. Важным элементом этой схемы является рассмотренный выше принцип номинации производных значений. Взаимодействие процедуры СП и данной схемы при формировании производных значений конкретного языка можно представить следующим образом. Процедура порождает, вообще говоря, произвольные двусоставные понятия, поэтому мы понимаем чуждые нам производные значения. Например, если мы слышим английскую фразу *Michael will walk you home* («Майкл проводит тебя до дома»), мы понимаем производное значение глагола *walk* («проводить, сопровождать»), но не считаем его производным значением глагола *идти*, поскольку такая номинация в русском языке недопустима (об этом сигнализирует наша схема СЭП). Но как только ребенок слышит слово родного языка в производном значении, процедура СП моментально строит соответствующее двусоставное понятие, а схема Сцепления этноспецифических понятий фиксирует, что к нему применен новый принцип номинации. Следовательно, это — производное значение, свойственное его родному языку. Информация о нем вносится в схему СЭП, конкретизируя (частично или полностью) какой-то из ее параметров, и т. д.

Теперь мы можем уточнить суть двух новообразований (новых способностей ребенка). Первое новообразование — способность к дифференциации и системной интеграции его концептуального мира — обеспечивается парой взаимодействующих между собой процедур: Дифференциации целого и Интеграции отдельных целостностей (или отдельных составляющих) в новую, интегрированную целостность. Процедура Сцепления понятий является компонентом этой пары процедур. Второе новообразование (с которым непосредственно взаимодействует процедура Сцепления понятий) — это схема Сцепления этноспецифических понятий, включающая в число своих принципов правило вторичной номинации (правило именования производных значений).

С. Пинкер и Р. Джекендофф предложили следующую типологию «биологических систем», связанных с функционированием языка: а) «какие аспекты языковой компетенции выучиваются путем получения внешних данных, а какие определяются устройством мозга (включая способность выучивать то, что должно быть выучено)», б) «какие составляющие языковой способности человека (выученные или «встроенные») специфичны для языка, а какие относятся к числу

способностей общего порядка» и в) «какие аспекты языковой способности являются исключительно человеческими, а какие — общими с другими группами животных» [Пинкер, Джакендофф 2008: 262], см. также [Hauser, Chomsky, Fitch 2002].

В рамках этой типологизации процедуры Дифференциации и Интеграции, включая и процедуру СП, а также схема СЭП определяются устройством мозга и относятся к исключительно человеческим способностям. Но при этом все процедуры относятся к числу когнитивных «способностей общего порядка», а схема СЭП — к языковой специфике.

Рассмотрим в этом же ключе лексикон человеческого языка. Как отмечают С. Пинкер и Р. Джекендофф, «у слов есть целый ряд черт, уникальных для человека. Первая — это их огромное количество: 50 тысяч в лексиконе обычного человека ... Вторая — это диапазон и четкость выражаемых словами понятий, от самых конкретных до наиболее абстрактных (*лилия, стропило, телефон, сделка, ледниковый, абстрактный, из, любой*). Третья — все их необходимо выучивать» [Пинкер, Джакендофф 2008: 274].

Из этого следует, что речь идет исключительно об основных значениях слов. Если прибавить к ним производные значения, то общий объем лексических значений многократно увеличится. Как человек справляется с таким невероятным количеством значений? Введенный выше аппарат — процедура СП и схема СЭП — позволяет частично ответить на этот вопрос: помнить производные значения человеку вовсе не обязательно. В любой момент (как при восприятии, так и при использовании производного значения) с помощью этого аппарата он может непосредственно порождать их, и тем самым отпадает необходимость все их запоминать. Конечно, некоторые, наиболее часто используемые значения сохраняются в памяти человека, а остальные каждый раз порождаются.

Примечательно, что производные значения вообще ускользают от внимания большинства исследователей. Так, в статье [Hauser, Chomsky, Fitch 2002: 1576] утверждается, что «в отличие от самых лучших примеров предположительно символических знаков у животных, большинство слов человеческого языка не связаны с какими-либо специфическими функциями». Это верно в отношении основных, но не производных значений, которые, как мы убедились, такие вполне специфические функции имеют.

К числу важных аспектов языковой компетенции следует отнести способность ребенка к усвоению и использованию имен. До сих пор

многие исследователи ориентируются на высказанную В. Штерном еще в начале XX века мысль согласно которой примерно в год ребенок делает «открытие, что... комплексы звуков обладают обозначающей (символической) ценностью... что каждому предмету принадлежит такой ... знак, служащий для называния и сообщения: что каждая вещь имеет название» [Штерн 1915: 92], ср.: «Дети подходят *ко второму году* своей жизни с ожиданием того, что шумы, производимые другими людьми, могут использоваться как символы, и большая часть работы по овладению языком заключается в том, чтобы установить, какие понятия ... эти шумы символизируют» [Пинкер, Джакендофф 2008: 274; курсив мой. — А. К.].

Однако ряд современных данных позволяет утверждать, что ребенок практически с **момента рождения**, а может быть, и раньше, во-первых, начинает различать в потоке воспринимаемой сенсорной информации гештальтные когнитивные единицы двух качественно различных типов: «вещи» (содержательные единицы) и «имена вещей» (конвенционально обусловленные «этикетки» вещей), и во-вторых, стремится узнать и запомнить используемые окружающими имена всех узнаваемых им вещей. Об этом свидетельствуют исследования, согласно которым уже новорожденные предпочитают человеческую речь другим лингвистическим слуховым стимулам.

В частности, в недавних исследованиях С. Ваксман и ее коллег [Waxman 2008; Ferry et al. 2010] (см. выше, п. 4) было показано, что, если младенцы в 3—4 месяца слышали фразы, обозначающие наблюдаемые ими объекты, то процесс формирования базовых концептов, определяющих эти объекты, ускорялся, а если они слышали звуковые тоновые последовательности, то нет. Это свидетельствует о том, что младенцы уже в возрасте 3-х месяцев по-разному истолковывают слова и тоны в отношении объектной категоризации (ясно, что младенец не понимал смысла звучащих фраз, но он уже воспринимал их как имена видимых им объектов). Естественно полагать, что это происходит потому, что ребенок а) уже «знает», что воспринимаемые им расплывчатые визуальные и акустические гештальты делятся на объекты и имена, б) умеет их различать и в) стремится сформировать номинативные пары вида «имя — объект».

В другой серии экспериментов группа слышащих младенцев, родители которых были глухонемыми, подвергалась воздействию исключительно одного жестового языка. При этом младенцы достигали тех же промежуточных стадий **ручного** (жестового) **лепета** (но без применения голоса, поскольку они никогда не подвергались воздей-

ствию речи) и в то же самое время, что и слышащие дети, достигавшие аналогичных стадий вокального лепета [Petitto et al. 2001]. Таким образом, дети самого раннего возраста способны различать и усваивать как акустические, так и визуальные имена.

Еще одним важным свидетельством столь ранней способности ребенка к формированию номинативной функции являются фундаментальные результаты исследований Е. И. Исениной [1986] о целенаправленном использовании ребенком в самые первые месяцы жизни особого вокально-мимического и жестового «протязыка» для общения с окружающими людьми. Именно способность к формированию номинативной и, шире, знаковой функции обеспечивает ребенку усвоение первых слов как имен его пока еще сверхгенерализованных концептов, причем за несколько месяцев до первых попыток произнесения им этих слов, т. е. примерно до года.

Рассмотренная первичная номинативная способность (как и вторичная — именование производных значений) относится к сугубо языковой специфике.

* * *

Выражаю глубокую благодарность И. М. Богуславскому, С. А. Жигалкину, Л. Л. Иомдину, Л. П. Крысину, Д. Пешиа и С. Н. Цейтлин за ценные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- МАС — Словарь русского языка. Т. 1—4. 2-е изд., испр. и доп. М.: АН СССР, 1981—1984.
- Словарь Даля — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб.; М., 1882.
- СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1938.
- Hornby A. S. (with A. P. Cowie). Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Vol. 1, 2. Oxford Univ. Press, 1980.
- Арутюнова 1979 — *Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 147—173.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162—189.

- Гумбольдт 1956 — *Гумбольдт В. фон*. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода: (Извлечения) // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956.
- Елисеева 2008 — *Елисеева М. Б.* Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб., 2008.
- Исенина 1986 — *Исенина Е. И.* Дословный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
- Кольцова 1980 — *Кольцова М. М.* Развитие сигнальных систем действительности у детей. Л., 1980.
- Кошелев 2008 — *Кошелев А. Д.* О классификации и эволюционной динамике лингвистических теорий // *Динамические модели: Слово. Текст. Предложение: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой*. М., 2008. С. 398—438, <http://www.lrc-press.ru/05.htm>.
- Кошелев 2008а — *Кошелев А. Д.* О качественном отличии человека от антропоида // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 193—230, <http://www.lrc-press.ru/05.htm>.
- Кошелев 2009 — *Кошелев А. Д.* О когнитивных факторах развития детской речи // *Проблемы онтолингвистики — 2009: Мат-лы междунар. конф. (17—19 июня 2009 г., Санкт-Петербург)*. СПб., 2009. С. 54—61.
- Курилович 1955 — *Курилович Е.* Заметки о значении слова // *Вопр. языкознания*. № 3. 1955. С. 73—81.
- Лайонз 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Леви-Брюль 1999 — *Леви-Брюль К.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.
- Пинкер, Джакендофф 2008 — *Пинкер С., Джакендофф Р.* Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 261—292.
- Реформатский 1996 — *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1996.
- Соссюр 1977 — *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Хомский 2005 — *Хомский Н.* О природе и языке: С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». М., 2005.
- Цейтлин 2000 — *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Шишков 1803/2010 — *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1803; 2-е изд., испр. М., 2010.
- Шмелев 1977 — *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1977.

- Штерн 1915 — *Штерн В.* Психология раннего детства до шестилетнего возраста. Пг., 1915.
- Языковая номинация — Языковая номинация. Кн. 1—2 / Под ред. Б. А. Серебренникова. М., 1977.
- Brugman, Lakoff 1988 — *Brugman C., Lakoff G.* Cognitive topology and lexical networks // *Small S. L., Cottrell G. W., Tanenhaus M. K. (eds).* Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence. San Mateo, CA, 1988. P. 477—508.
- Golinkoff et al. 2002 — *Golinkoff R. M., Chung H. L., Hirsh-Pasek K., Liu J., Bertenthal B. I., Brand R., Maguire M. J., Hennon E.* Young children can extend motion verbs to point-light displays // *Developmental Psychology.* 38 (4). 2002, July. P. 604—614.
- Hauser 2000 — *Hauser M. D.* Wild Minds: What animal really think. N. Y.: Henry Holt, 2000.
- Hauser, Chomsky, Fitch 2002 — *Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T.* The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science.* 298. 2002. P. 1569—1579.
- Jakobson 1936 — *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre (Gesamtbe deutungen der russischen Kasus) // *Travaux du Cercle linguistique de Prague.* 6. 1936. S. 240—288.
- Kuryłowicz 1935 — *Kuryłowicz J.* Éduites indo-européennes. I. Kraków, 1935.
- Markson, Diesendruck, Bloom 2008 — *Markson L., Diesendruck G., Bloom P.* The shape of thought // *Developmental Science.* 11 (2). 2008. P. 204—208.
- Mervis 1987 — *Mervis C. B.* Child-Basic Object Categories and Early Lexical Development // *Concepts and Conceptual Development: Ecological and Intellectual Factors in Categorization / Neisser U. (ed.).* N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 201—233.
- Norvig, Lakoff 1987 — *Norvig P., Lakoff G.* Taking: a study in lexical network theory // *Proceedings of the 13th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting.* Berkeley: BLS, 1987. P. 195—206.
- Pereira, Smith 2009 — *Pereira A. F., Smith L. B.* Developmental changes in visual object recognition between 18 and 24 months of age // *Developmental Science.* 12 (1). 2009. P. 67—80.
- Petitto et al. 2001 — *Petitto L. A., Katerelos M., Levy B., Gauna K., Tétrault K. and Ferraro V.* Bilingual signed and spoken language acquisition from birth: implications for the mechanisms underlying early bilingual language acquisition // *Journal of Child Language.* 28. 2001. P. 1—44.
- Pinker 2007 — *Pinker S.* The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. Penguin Press Science, 2007.
- Rakison 2000 — *Rakison D. H.* When a Rose Is Just a Rose: The Illusion of Taxonomies in Infant Categorization // *Infancy.* 1 (1). 2000. P. 77—90.
- Rosch et al. 1976 — *Rosch E., Mervis C., Gray W., Johnson D., Boyes-Braem P.* Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology.* 8. 1976. P. 491—502.

- Santos et al. 2002 — *Santos L. R., Sulkowski G. M., Spaepen G. V., Hauser M. D.* Object individuation using property / kind information in rhesus macaques (*Macaca mulatta*) // *Cognition*. 83. 2002. P. 241—264.
- Talmy 1985 — *Talmy L.* Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // *Language Typology and Syntactic Description* / T. Shopen (ed.). N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 57—149.
- Waxman 2008 — *Waxman S. R.* All in Good Time: How do Infants Discover Distinct Types of Words and Map Them to Distinct Kinds of Meaning? // *Infant Pathways to Language: Methods, Models, and Research Directions* / J. Colombo, P. McCardle, L. Freund (eds). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Publishers, 2008. P. 99—118.
- Xu 2007 — *Xu F.* Concept Formation and Language Development: Count Nouns and Object Kinds // *Oxford Handbook of Psycholinguistics* / G. Gaskell (ed.). N. Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 617—626.